

*Нет ничего труднее, чем брать вещи
такими, каковы они на самом деле.*

И. В. Гете

*Самые укоренившиеся, самые бесспорные наши
убеждения – всегда и самые сомнительные.*

Х. Ортега-и-Гасет

Право,

изложенное в цитатах из произведений мировой литературы,

а также в изречениях великих мыслителей,

ученых писателей –

поэтов и пророков

СЛОВАРЬ — активатор творческого мышления юриста

Подобрал, составил и привел в систему Вячеслав Манукян

Харьков
«Право»
2015

УДК 340(038)
ББК 67я21
С48

Книга издана при поддержке фонда
PRAESIDIUM LIBERTATIS (Лейден, Нидерланды)

Словарь – активатор творческого мышления юриста / концепция, составление, систематизация: В. И. Манукян. – Харьков : Право, 2015. – 688 с.

ISBN 978-966-458-665-5

Поэт – он видит все

И знает все –

Добро и зло

И то, что посредине.

Так считает автор-составитель этого необычного Словаря. Право как искусство справедливости находится «посредине» между добром и злом и, лавируя, стремится творить добро, избегая зла. «Поэтика, обращаясь к юридическим коллизиям... пытается оживить этический компонент права», – пишет профессор Р. Вайсберг (Юридическая школа Кардозо), а другой известный правовед Р. Дворкин высказывает мысль о том, что «мы можем лучше понять право, сопоставляя юридическое толкование... с литературным».

Эта книга – один из первых опытов поэтического, художественного, иными словами, *эмоционального* освоения права. Юридические понятия, концепции, институты рассматриваются в ней через волшебную призму литературы, поэзии, искусства. «Людей, которых волнует право, можно делить на тех, кому достаточно общих декламаций, и тех, кто вникают», – утверждал Гегель. Эта книга для тех, кто *вникает*.

УДК 340(038)
ББК 67я21

ISBN 978-966-458-665-5

© Манукян В. И., концепция,
составление, вступительная статья,
примечания, указатель, 2015
© Издательство «Право», 2015

Признательность

Эта книга едва ли могла увидеть свет без моральной и финансовой поддержки *Роджера Хазевинкеля* и основанного им фонда PRAESIDIUM LIBERTATIS (Лейден, Нидерланды). Я глубоко благодарен Роджеру за эту поддержку.

Р. Хазевинкель был одним из основателей Центрально-Европейского университета в Будапеште (ЦЕУ). Он уверен, что «международное образование – лучшее решение для лучшего будущего». Наиболее подготовленные выпускники ЦЕУ благодаря Фонду могут продолжить обучение в Лейденском университете.

В 2001/2002 гг. автор-составитель обучался в Лейденском университете по стипендии фонда PRAESIDIUM LIBERTATIS и получил степень магистра международного права (LL.M.)

Я признателен *Ирине Евдокимовой* (ЦЕУ, Лейденский университет) и *Надежде Пуртовой* (ЦЕУ, университеты Лейдена и Тилбурга) за то, что они ознакомились с отдельными частями этой книги и сделали важные замечания. Ирина поддержала меня в том, что некоторый «творческий хаос» в данном случае скорее преимущество, чем недостаток, потому что «всякая слишком очевидная система свела бы на нет намерение обратиться к целостному восприятию читателя». Прямая и потому целительная критика Надежды, советы структурного свойства помогли мне лучше распорядиться материалом.

Благодарю также *Н. де Браун* (Лейден) за советы при подготовке книги. Отдельное спасибо математику из Университета Калгари (Канада) *о-ру Ю. Зинченко*, уточнившему некоторые математико-правовые параллели, которые я осмелился провести во вступительной статье.

Разумеется, ответственность за несовершенство этой книги (что совершенно в сфере права?) и любые неточности лежит на авторе-составителе.

В. Манукян

Acknowledgments

This book could hardly have been published without moral and financial support of *Roger Hazewinkel* and his FOUNDATION PRAESIDIUM LIBERTATIS (Leiden, the Netherlands). I gratefully acknowledge the support and motivation given by Roger.

R. Hazewinkel was one of the trustees of Central European University (CEU) in Budapest. He is convinced that «international study experience is the best solution for a better future». Thanks to the Foundation it is possible for outstanding CEU alumni to study at Leiden University.

In 2001/2002, with the support of the FOUNDATION PRAESIDIUM LIBERTATIS, the author studied at Leiden University and obtained LL.M. degree in Public International Law.

I am beholden to *Iryna Ievdokymova* (CEU & Leiden University) and *Nadezhda Purtova* (CEU, Leiden University & Tilburg University) who kindly read and made insightful comments on some parts of the book. Iryna convinced me that, since this book is based on a certain degree of «creative chaos», this might be an advantage rather than a drawback, and, as she put it, «any too visible or obvious a system would defeat the purpose of a reader's holistic perception». Nadezhda offered very open and therefore curative criticism and helpful structural suggestions which helped me to better organize the book.

I also acknowledge the assistance and advice given by *Nanda de Bruin* (Leiden University).

A special thank you goes to *Dr. Y. Zinchenko*, PhD, from Calgary University, Canada, who corrected my legal-mathematical allusions which I dared to use in the introductory article.

Needless to say, the responsibility for imperfection of the book (what is perfect in the field of law?) and for any inaccuracies that remain rests exclusively on me.

V. Manukyan

СОДЕРЖАНИЕ

Зачем юристу «Дон Кихот»?	7
Составить книгу приятную и полезную.....	7
Как рыба в воде	13
Упорядоченный хаос. О строении Словаря	18
Для кого (не) предназначена эта книга	21
В оправдание несовершенства	28
Словарь	31
Указатель имен	677

Зачем юристу «Дон Кихот»?

(От автора-составителя)

Составить книгу приятную и полезную...

*Выслушайте меня, бога ради.
Я намекну вам только, каким образом
можно составить книгу
приятную и полезную...*

К. Батюшков

«Всякие мысли приходят иногда в голову. Например, мысль о том, что хорошо бы составить несколько новых словарей... В одном таком словаре можно, предположим, собрать слова, имеющие отношение к природе, в другом – хорошие и меткие местные слова, в третьем – слова людей разных профессий... Словарь этот будет, конечно, толковым. Каждое слово должно быть объяснено, и после него следует помещать несколько отрывков из книг писателей, поэтов и ученых, имеющих научное или поэтическое касательство к этому слову» (К. Паустовский. *Золотая роза*).

Простая, в сущности, идея замечательного и, к сожалению, подзабытого писателя о создании необычного *толкового*, во всех смыслах, словаря¹ была очень близка и автору-составителю книги, которую читатель держит в руках.

Эта не совсем обычная книга – один из первых опытов *поэтико-художественного освоения права*. Она представляет собой систематизированное собрание мыслей, чувств, мнений, пророчеств ве-

¹ Согласно авторитетному «Толковому словарю» С. Ожегова, словарь – это «сборник слов в алфавитном порядке, с пояснениями, толкованиями или переводом на другой язык». Таким образом, предлагаемая книга содержит все необходимые признаки для того, чтобы именоваться *словарем*. В определенном смысле можно сказать, что в нем реализован и «перевод» с одного языка на другой, а именно – с юридического на литературно-художественный, образный. Здесь и далее примечания автора-составителя.

личайших писателей и поэтов, выдающихся мыслителей древности и нашего времени. *И все это – на тему права, юриспруденции (науки и профессии)*. Все отрывки имеют «научное или поэтическое касательство» (преимущественно последнее) к объясняемому слову – юридическому термину или концепции. Фрагменты извлечены из сотен произведений, причем автор пользовался не только и не столько всемирным хранилищем информации – интернетом (хотя без Сети, конечно, не обошлось), а двигался в основном традиционным, архаическим путем, перелопатив за несколько лет сотни произведений, в том числе редких, забытых и малодоступных книг, «толстых» журналов.

Говорят, яблоко, упавшее однажды на голову И. Ньютона, мирно отдохавшего под деревом, натолкнуло физика на фундаментальную теорию всемирного тяготения. Идея *литературно-правового монтажа* (или коллажа) тоже возникла не на пустом месте. Она просто до времени висела в воздухе, созревала, наливалась, подобно яблоку на ветке, и, когда плод созрел, просто упала на голову автора, произведя в ней некоторое интеллектуальное и эмоциональное потрясение, позволившее взяться за эту книгу. Конечно, Словарь – не фундаментальная Общая Теория Права, но эта книга позволяет совершенно по-новому взглянуть на уже имеющиеся в изобилии общие и специальные правовые теории.

Врач и писатель В. Вересаев так пояснил появление на свет своей книги «Жизнь Пушкина»: «В течение ряда лет я делал для себя из первоисточников выписки, касавшиеся характера Пушкина, его настроений, привычек, наружности и пр. По мере накопления выписок я приводил их в систематический порядок. И вот однажды, пересматривая накопившиеся выписки, я неожиданно увидел, что передо мной – оригинальнейшая и увлекательнейшая книга, в которой Пушкин встанет совершенно как живой».

Почти такой же спонтанной методике многолетних выписок, анализа и систематизации следовал и я, не предполагая, что в результате увижу перед собой если не самую «оригинальнейшую и увлекательнейшую», то достойную внимания книгу. Право в ней раскрывается в живом виде, а не в виде жестких сентенций, привычных формул-дефиниций, дедукций и предубеждений, принявших форму истины.

*Великие писатели
проникают взглядом
сквозь каменные стены.*

С. Мозм

Понятно, что составить такой словарь путем намеренного поиска соответствующей цитаты в бескрайнем литературном море – задача совершенно фантастическая и невыполнимая. Ни Пушкин, ни Сервантес, ни Бунин, ни даже обожаемый криминологами всего мира Достоевский не давали дефиниций на юридическую тему.

Еще меньше были они склонны поучать, «читать мораль». «... Пусть судят их [преступников. – В. М.] присяжные заседатели, а мое дело показать только, какие они есть», – отвечал Чехов критикам, осуждавшим хладнокровие писателя, его нежелание прямо влиять на нравы публики, ясно выражая свою позицию. Оправдывает нейтралитет писателя и С. Моэм: «Он не столько осуждает иные недостойные поступки, сколько жаждет доискаться их причин... Писатель скорее призван знать, чем судить» (*Луна и грош*). А наш современник Ф. Искандер прямо заявляет, что «у поэта и государства совершенно разные задачи, и решать их они должны, держась подальше друг от друга»; поэт «может только мечтать, чтобы совершенство строки порождало жажду совершенства мира» (*Поэты и цари*).

Литература – это мышление в образах, а не в логических конструкциях и строгих определениях. Искать художественный образ «презумпции невиновности» или «эвтаназии» в полном собрании сочинений графа Толстого – предприятие героическое, но малопродуктивное. Другое дело *прочсть* все эти 90 томов, прочесть не в поисках цитаты, а просто так. Поэтому автор-составитель подчеркивает, что этот Словарь создан, в известном смысле, случайно – он явился неожиданным результатом многолетней привычки, можно сказать, страсти читать и делать выписки из прочитанных книг.

Сейчас я предполагаю, что идея осветить право с другой – литературно-художественной – стороны все же «висела» если не в воздухе, то в глубине сознания. С течением времени объем собранного материала достиг критической массы, и нужен был какой-то внешний толчок, чтобы бомба сдетонировала.

Для меня таким пусковым впечатлением стали всего две строчки из стихотворения Ф. Искандера:

*Чем совершенней суть закона,
Тем бессердечней человек.*

Поражает удивительная точность (впрочем, Ф. Искандер всегда предельно точен, это его стиль), но самое главное – глубинный смысл этих строк. Причем внимательное прочтение позволяет увидеть две важные идеи, передаваемые нам поэтом.

Здесь я бы хотел на собственном примере (впечатление от стихотворения Ф. Искандера) показать, как художественное слово может активировать творческое мышление читателя-юриста, подвести его к нетривиальным выводам и *вопросам*.

Еще древние утверждали, что от множества законов – пусть самых лучших – человек не становится лучше. «Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников», – читаем у Лао-цзы. (Другой вариант перевода – «Чем *лучше* знают законы, тем *больше* становится воров и бандитов» – более созвучен приведенным выше искандеровским строкам). Об утрате стыда при помощи закона говорил и Конфуций: «Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда». Такие мотивы мы находим в Библии¹ и многих других религиозных текстах. А эта фраза из письма Д. Фонвизина удивительно созвучна со строчками Искандера: «Наилучшие законы не значат ничего, когда исчез в людских сердцах первый закон, первый между людьми союз – добрая вера... Вся честность на словах, и чем сложнее у кого фразы, тем больше остерегаться должно какого-нибудь обмана» (*Письма из Франции*). Иначе говоря, чем изощреннее «фразы» (закон), тем бессовестней общество, которому потребовался такой закон.

О порочности и бесперспективности идеи совершенствования общества, человека путем права и системы наказаний писали М. Монтень, Л. Толстой, Ч. Диккенс, Дж. Свифт, А. Чехов, М. Сервантес, В. Короленко. Например, И. Гончаров пишет в романе «Фрегат "Паллада"»:

«...Везде строгость права, закон, везде ограда им... Но есть щели, куда не всегда протеснится сила закона, где бес- сильно и общественное мнение, где люди находят способ обойтись без этих важных посредников и ведаются сами собой: вот там-то машина общего движения оказывается неприложимою к мелким, индивидуальным размерам

¹ «Закон же пришел позже, и так умножилось преступление». Рим. 5, 20.

и колеса ее вертятся на воздухе. Вся английская торговля прочна, кредит непоколебим, а между тем покупателю в каждой лавке надо брать расписку в получении денег. Везде рогатки, машинки для *поверки совестей*, как сказано выше: вот какие двигатели поддерживают добродетель в обществе».

Закон (то есть наказание и принуждение, ибо закон основан на страхе наказания, на принуждении и более ни на чем) никогда не сможет усовершенствовать человека, «во-человечить» его (А. Блок). Эту мысль мы видим и у Ф. Искандера. Совершенствование законов, в конечном счете, лишь ужесточает людей, лишает их возможности делать выбор, иначе говоря, – слушать свою совесть. И мысль эта выражена поэтически безупречно.

Но и наоборот, сам факт существования множества **хороших**, «совершенных» законов – индикатор **плохого** состояния умов в обществе. Здоровое общество не нуждается в лекарствах, как здоровый человек не нуждается в костылях. «Большое число законов в государстве, – писал Вольтер, – то же самое, что большое количество врачей: признак

*В момент вдохновения
художник видит истину
со всей доступной ему
полнотой...*

Ф. Искандер

болезни и бессилия». Такие рассуждения – вовсе не философия: даже юридическая наука склонна признавать, что обычаи (например, в международном праве) иногда надежнее писаных законов. Как множество законов – признак болезни и бессилия общества, так следование обычаям – признак его нравственного здоровья. Неудивительно поэтому, что собеседник Гулливера не понимал, что такое закон и желал услышать от путешественника более обстоятельные разъяснения относительно этого странного понятия. Свифт считал, что природа и разум являются достаточно хорошими руководителями разумных существ, какими мы считаем себя, и ясно показывают нам, что мы должны делать и чего должны избегать (Дж. Свифт. Путешествия Лемюэля Гулливера).

Если костыли-законы активно используются – а так оно и есть в добропорядочных странах – совесть используется

пассивно, то есть вовсе не используется и хиреет. Законы, в конечном счете, дисциплинируя людей, удерживая их в рамках приличий, портят их. Когда пафос права превалирует над человеческой совестью, последняя (именно – *последняя!*) атрофируется,

...И совесть человек отбросит,
Как архаический недуг,
Уже ненужную, как жабры...
(Ф. Искандер).

Возникает и существует уже тысячи лет некий порочный круг: **бессовестность** («естество») человека вынуждает вводить законы, дабы установить хотя бы какие-то рамки («право как необходимый минимум этики»). Законы дают возможность не пользоваться совестью, не делать выбора, не рефлексировать, короче – не думать. Продолжительное, веками, недумание, необращение за советом к собственной совести делает ее ненужной. Круг замкнулся: бессовестность (законность) ведет к еще большей бессовестности. Точнее, здесь следует говорить не о порочном круге, а о деградации по *спирали*. Законы множатся, все более изощренное становится юридическая техника, все более непонятнее – юридический новояз. Но человек скоро адаптируется и становится необходимой новая, еще более изощренная техника сдерживания страстей и регулирования сложных отношений в обществе. И это непрерывное усложнение юридической линии в «сюжете существования» человека свидетельствует о его *нравственной* деградации.

Вольтер, Гончаров, Фонвизин, Искандер говорят об одном и том же: закон – «машинка для поверки совести» устраняет необходимость последней. Долго ли такие двигатели смогут «поддерживать добродетель» – вот в чем вопрос...

Итак, всего *две* строчки поэта Ф. Искандера, приведенные в качестве примера *активации творческого мышления*, дали толчок размышлениям, осветили юридическую концепцию *законности* с неожиданной стороны, показали, что идею права не стоит возводить в абсолют, что перспективы у этого феномена не такие радужные, как это представляется правоведам-теоретикам.

У больших художников таких неожиданных, точных и часто афористичных наблюдений всегда можно найти в избытке. Эта избыточная щедрость гениев, в конечном счете, и позволила составить этот словарь. Цитата гения – не логическое доказательство. Она представляет собой сгусток, или срез художественного образа, и эта идейная сгущенность включает в нашем сознании множество самых разных, иногда совершенно неожиданных ассоциаций. И вполне возможно, что мысли читателя по прочтении стихотворных строк Ф. Искандера, приведенных выше, потекут в совершенно ином направлении. Это нормально: координаты действительности многомерны и «мир каждый видит в облике ином». Главное – в самой возбужденности мысли, в способности воспользоваться интеллектуальной щедростью большого художника для самостоятельного, творческого освоения этой странной, можно сказать, *фантастической* стороной действительности – *правом*.

Замысел Словаря, повторю, состоит в том, что художественная литература, ее высокие образцы позволяют увидеть в юридических концепциях и реалиях то, что трудно увидеть и осознать юристу, потому что в праве он чувствует себя...

Как рыба в воде

*Кто не понимает ничего, кроме химии,
тот и ее не вполне понимает.
Г. Лихтенберг*

А. Шопенгауэр писал: «Специалиста можно сравнить с человеком, который живет в своем доме и никогда никуда не выходит. В своем доме он знает все тонкости, каждый уголок, каждую балку, всякую ступеньку, как Квазимодо знал собор Пресвятой Богородицы; но вне дома – все ему чуждо, все незнакомо. Истинное гуманитарное образование требует непременно *многостороннего* взгляда... иначе мы вско-

ре увидим ученых, которые вне своей специальности будут чистейшими ослами...» (*Мысли*). Чтобы избежать этой печальной перспективы, юристу необходимо хотя бы время от времени *подниматься над правом*, чтобы взглянуть на него с вершин высокой литературы, поэзии, искусства. Неслучайно один из ведущих правоведов США – бывший декан Йельской школы права судья Г. Калабрези утверждает, что «невозможно вполне познать право без глубокого и эмоционального понимания искусства».

Да, юрист чувствует себя в праве *как рыба в воде* и – как рыба в воде – *не знает*, что такое право, как рыба не знает, что такое вода, пока не окажется в неводе, то есть – в *не-воде*. Великолепно передает эту мысль У. Эко в романе «Имя Розы»:

*Есть на земле обитель, немолчным полная шумом,
Шумом полна обитель, но вечно молчит обитель.
В вечном движенье и в ней, но не с ней обитель¹.*

Ответ на эту старинную загадку: «Рыба». «Обитатель» воды действительно «в ней, но не с ней». Американский священник Дж. Калкин остроумно заметил в связи с этим: «Мы не знаем, кто открыл воду, но уж точно не рыбы».

Знаменитые рыбки Матисса или менее известный красный карп японского художника У. Куниёси прекрасно видят в воде все – кроме самой воды. Так и юрист не может *увидеть* право таким, каково оно на самом деле. К тому же, он донельзя замутил его мутной взвесью из дефиниций – «узуфруктами», «суперфициями», «составами», «деликтами», «диспозициями» и т. п. Главный инструмент юриста – слова, и эти слова, перефразируя В. Шкловского, «как клин, отрывают живущего от жизни и... заключают его в бутылку: он сидит в бутылке как муха»². И эта «муха», прекрасно ориентируясь в пределах бутылки, все же не может понять ни сам этот сосуд, ни «забутылочное» пространство. Неудивительно, что понять право лучше юриста может порой именно *не-юрист* с развитым «правополушарным», художественным мышлением.

¹ Перевод Е. Костюковича.

² В. Шкловский. Письмо Ю. Оксману, 23.10.1955 г.

«Физика слишком трудна для физиков», – сказал однажды Д. Гильберт. Мы можем вслед за этим выдающимся математиком утверждать, что право иногда *слишком сложно* для понимания юристов. Чтобы несколько утешиться самому и утешить читателей-юристов, а также специалистов всех родов, приведу отобранные мною сентенции, которые подтверждают универсальность «закона непонимания».

Вот как интерпретируют этот кажущийся парадокс другие светлые умы.

Муравейник не может сам себя описать.

Нужен взгляд сверху.

Ф. Искандер. Из записных книжек.

Бхата вопрошает:

«Кому нужно стать сахаром?

Я не хочу быть сахаром,

ибо хочу чувствовать сладость сахара...»

С. Вивекананда. Четыре йоги.

Я знаю все, но только не себя.

Ф. Вийон. Баллада примет.

Может ли слепой водить слепого?

не оба ли упадут в яму?

Лк. 6, 39.

Ко всем этим художественным, то есть «косвенным» уликам можно добавить и прямое, математическое доказательство «правила муравейника» – невозможности постижения права исключительно юридическими средствами. Известна *теорема К. Геделя*, которая гласит: «Если система *Z* непротиворечива, то в ней существует такое предложение *A*, что ни само *A*, ни его отрицание не могут быть доказаны средствами *Z*». Иначе говоря, в достаточно богатых содержательных нормальных системах имеются неразрешимые предложения, т. е.

У. Куниёси.
Красный карп

предложения, которые недоказуемы и одновременно неопровержимы¹.

Итак, сложное требует *творческого* осмысления. В лоб такие препятствия не берут, их следует обходить, сквозь них следует *проникать* при помощи притчи, метафоры, аналогии. И художественный образ часто более точно, выпукло, красочно, то есть во всех красках описывает то или иное юридическое явление.

Художественная, поэтическая *метафора* у Мастера становится *правдой*, документом, регистрирующим факт не хуже так называемого научного метода. «Метафора, – как пишет Х. Ортега-и-Гасет, – это, вероятно, наиболее богатая из тех возможностей, которыми располагает человек. Ее действенность граничит с чудотворством» (*Дегуманизация искусства*). Почему же не использовать эту чудотворную силу художественной метафоры в изучении права – предмета крайне абстрактного, запутанного и, используя лексикон Достоевского и Кафки, – *фантастического*?

Наука права *доказывает* и *объясняет* истину с помощью разума, рационально. Художник, не доказывая и не объясняя ничего до конца, заставляет разум работать на уровне интуиции и дает возможность *почувствовать* истину.

Таким образом, в отличие от учебника или академического труда, которые, при необходимости и при особом усердии, конечно, можно многократно перечитывать, произведения высшей художественной пробы, ставя барьеры скуке и невниманию, каждый раз дают нам что-то действительно *новое*. Поэтому и к текстам нашего Словаря можно обращаться многократно, в конце концов, хорошая цитата освежает ум, включает воображение. Нашего читателя можно называть читателем-пользователем: словари не пишут, а составляют, их не просто читают – ими пользуются, к ним обращаются. В одной давней рецензии на книгу было сказано, что она «обещает занятное чтение» и «приглашает вас уединиться с ней в свободную минуту и интересно провести время». Речь шла, как это ни удивительно, о словаре. *Словарь*, «обещающий занятное чтение», – можно ли представить себе большую оценку в этой номинации!

¹ Спасибо Ю. Зинченко, доктору математики (PhD) из Университета Калгари (Канада) за беседы, в ходе которых я уяснил для себя это и некоторые другие положения чудесной науки математики.

В психологии есть понятия *симультанного* и *сукцессивного* восприятия. Не углубляясь в детали, отметим, что симультанность означает одновременность, параллельность протекания психических процессов ввиду их свернутости, автоматизированности. Сукцессивность предполагает последовательность таких процессов.

Идея данного Словаря в значительной мере состоит в том, что его читатель/пользователь воспринимает информацию преимущественно симультанно, синтетически, образно, мгновенно – такова природа восприятия художественного творчества. Как именно и почему происходит симультанное восприятие искусства – точно не установлено и, вероятно, никогда не может быть установлено, иначе художником (поэтом, писателем) мог бы стать каждый, изучивший в университете тайну творчества и получивший соответствующий диплом инженера человеческих душ.

Сразу же предупредим читателя о том, что предлагаемая книга – отнюдь *не* является собранием цитат «на каждый день», коллекцией разного рода парадоксальных высказываний в духе О. Уайльда¹. Не следует также рассматривать наш Словарь как сборник *юридических* афоризмов – серьезных или забавных, несмотря на то, что читателю встретятся на ее страницах и чисто юридические сентенции, высказывания юристов, судей и т. п. Впрочем, с полезной ролью цитатника эта книга – факультативно – справляется.

*Если же говорить о конструкции Словаря,
а сказать о строении книги никогда
не помешает, то эта конструкция
представляет
собой...*

¹ Хотя виртуоз парадоксов О. Уайльд, конечно, цитируется в этой книге, многие его ультрапарадоксы автор-составитель считает сомнительными – они невыносимо банальны.

Упорядоченный хаос. О строении Словаря

*Этих самых школьных правил
Я всегда терпеть не мог,
Лишь боящийся свободы
Вечно в правила одет¹.
Ш. Петефи*

Как мы уже сказали, этот Словарь создан, в известном смысле, случайно – в результате многолетней привычки делать выписки (случайные, бессистемные) из прочитанных книг. Случайность *процесса*, тем не менее, не означает отсутствия некой системы и порядка в *конечном результате*.

Подбор цитат вовсе *не случаен*. Как же это может быть, если речь идет о бессистемных, пусть и многолетних выписках из художественных произведений, спросит читатель. Во-первых, защищая свой метод, рискну просто сослаться на У. Шекспира: «Хотя это и безумие, в нем есть своя система». Во-вторых, тех, кого не удовлетворит безумная метафора поэта, отсылаю к вполне строгой теории Ч. Дарвина.

Даже поверхностное знакомство с основами эволюционной теории объяснит парадокс возникновения некоей системы из хаоса. Все очень просто: происходил не *искусственный* подбор цитат на юридическую тему, а *естественный* их отбор. Выдающиеся художники слова всегда брались за самое трудное, беспокоящее человека и человечество – война и мир, преступление и наказание, свобода и принуждение, жизнь и смерть... А право и было, в сущности, рождено благодаря разнообразным человеческим страстям, конфликтам, притязаниям. Следовательно, Гете, Пушкин, Бунин, Достоевский, Толстой, Сервантес, Гессе, Гоголь и другие титаны слова и духа просто *не могли не высказаться* по поводу этих страстей, конфликтов и притязаний. И высказывания их порой ценнее целых научных трактатов.

Таким образом, при отборе цитат действовал дарвиновский принцип выживания сильнейших: из безбрежного моря релевантных текстов выжили самые глубокие, афористичные, содержательные, актуальные и мощные по художественному воздействию. Однако

¹ Перевод Л. Мартынова.

автор-составитель не претендует на открытие «библиодарвинизма», полагая, что некий *естественный* отбор происходит при всяком *искусственном* отборе текстов – независимо от желаний и предпочтений составителя.

Выдержки в Словаре располагаются не хаотически, как это может показаться на первый взгляд, а определенным образом. Прежде всего, соблюден принцип *всех* словарей – расположение материала в алфавитном порядке. Вообще-то, как писал составитель известного «Толкового словаря» В. Даль, этот азбучный принцип – «самый отчаянный, придуманный потому, что не за что более ухватиться». Но уже в рамках отдельного словарного гнезда цитаты распределены по принципу смысловой связи.

Мы стремились располагать тексты не по формальным признакам – географическим, хронологическим, положительным, отрицательным и т. п., а именно *по содержанию*, иначе говоря, так, чтобы собрание цитат более выпукло, многогранно, ярко представляло то или иное правовое явление, концепцию, термин. Более того, где только возможно мы намеренно сталкиваем противоречащие друг другу суждения, полагая, что искра понимания лучше выскается именно в результате такого столкновения.

Такой подход к систематизации не нов. Его ввел еще В. Даль в «Былях и небылицах казака Луганского» и в знаменитых «Пословицах русского народа». Современники писали, что «каждая его [Даля] строчка учит и вразумляет» (*Н. Гоголь*), восхищались «изумительным богатством» этих сборников (*И. Тургенев*). Успех этих книг в значительной мере был результатом именно смыслового противопоставления пословиц и поговорок – противопоставления намеренного, явного и в то же время тонкого и умелого. Конечно, В. Даль не мог знать о «принципе дополнительности» Бора, но как большой художник интуитивно его реализовал в своих сборниках.

Читатель, вероятно, обратит внимание, что в Словарь включены не только цитаты из чисто художественных, поэтических произведений, но и отрывки, что называется, научных трактатов – за цитатой из Пушкина или Сервантеса может следовать колоритное высказывание члена Верховного Суда США О. У. Холмса или короткая выдержка из «Мыслей» Паскаля. Смешение жанров здесь только на пользу уму, так как дает ему пищу, тем более что некоторые решения

судов, написанные выдающимися юристами и некоторые – далеко, далеко не все – серьезные научные труды представляют самостоятельную художественную ценность. Следовательно, соседство Достоевского, Сервантеса, Плутарха и судьи Холмса вполне уместно, хотя и непривычно.

Великие произведения человеческого духа всегда прекрасны сами по себе, они поэтичны, как прекрасны и поэтичны астрономические выкладки Фламариона, великие математические формулы, например, теорема Пифагора или уравнения Максвелла. Истина всегда прекрасна. «Для меня, например, нет ничего прекраснее и художественнее Паскаля, Платона... “Пир” Платона, например, что это? Драма? Художественное произведение другого рода? А Паскаль? Я не знаю и знать не хочу. Но это такая красота. Для меня это художественные произведения своей правдой», – утверждал Л. Толстой. Писатель Ю. Трифонов в своем дневнике говорил о том же: «Факт, документ, конкретность – обладает своей собственной громадной и взрывчатой силой... Тацит и Плутарх до сих пор лучшие прозаики, так же, как протопоп Аввакум, как Пушкин – автор истории Пугачевского бунта». Эти слова замечательного русского писателя можно приложить и к трудам, например, Г. Торо (*Уолден, О гражданском неповиновении*), Т. Карлейля (*История Французской революции*) или А. Тойнби (*Постижение истории*). Первый страстно и художественно излагает альтернативную модель человеческого общества, в сущности, модель цивилизованной анархии, а историков Карлейля и Тойнби можно назвать, ничуть не снижая при этом научной ценности их книг, *поэтами* истории.

Плутарх, Паскаль, Эйнштейн художественны своей правдой и красотой: красота всегда правдива. Их произведения поэтичны и, следовательно, *точные*, как поэтичны и точны высшие образцы литературы чисто художественной – «Капитанская дочка» и «Жизнь Арсеньева», «Казаки» и «Фауст», «Шинель» и «Дон Кихот».

По этой же причине приводятся в этой книге, где это уместно, изречения выдающихся древнеримских юристов – Ульпиана, Гая и др.

*Искусство выражает
единственную правду,
которая в конечном счете
имеет значение. Только при
свете искусства могут
быть исправлены дела
человеческие.*

А. Мердок

Стиль и ритм, а не только юридическая техника их произведений порой имеет самостоятельную художественную ценность, а поэтому и самостоятельную, мгновенную силу воздействия на читателя.

В нашей книге предлагается своеобразный полилог через время – года, столетия и даже тысячелетия и пространство – государства, Запад, Восток. Соединяя мысли поэтов и пророков разных веков, мы пытались как бы «вычеркивать разделяющие их время и пространство» (*Н. Мандельштам*). Избранные фрагменты доносят до нас живые голоса писателей и ученых, которые помогут читателю по-новому взглянуть на такие, казалось бы, всем известные институты, как право, государство, права человека, социальное государство и т. п. Многие тексты, например, мысли Л. Толстого о праве и суде, или блестящие догадки, а иногда прямо-таки классические определения гениального во всем А. Пушкина, или искрометные афоризмы Ф. Искандера удивительно свежи и чрезвычайно актуальны.

*Надеясь на то, что читатель получил некоторое
представление о логике построения Словаря,
автор-составитель считает
возможным и необходимым
сказать о том...*

Для кого (не) предназначена эта книга

*Тот, кто пользуется только разумом,
будет сердиться на мою речь...
Авиценна*

Каждый, кто сталкивается с правом, юриспруденцией, не говоря уже о самих **юристах**, найдет на страницах этой книги много здоровой пищи для ума. В частности, книга представляет собой ценный источник информации к размышлению для криминологов, юристов, профессионально занимающихся феноменом преступности. Особенный интерес может представить этот Словарь для **государственных деятелей** в самом широком смысле слова. Государственные чиновни-

ки, особенно так называемые «силовые структуры» (суд, прокуратура, полиция и др.) действуют, по крайней мере, должны действовать в рамках законов и права. Более широкое понимание правовых явлений, выходящее за пределы грифованных – «одобренных» и «допущенных» учебников, не будет помехой для этих людей. Вообще можно согласиться с Ф. Искандером, предложившим, «в порядке шутки, похожей на правду», чтобы политики «перед каждым серьезным политическим решением перечитывали Пушкина, чтобы привести себя в состояние мудрого пушкинского равновесия».

Книга будет полезным пособием для **студентов** гуманитарных специальностей, – для тех из них, которые, понимая некоторую комичность лекционно-семинарского ритуала «передачи знаний», пытаются самостоятельно понять, *что* такое право как культурное явление. «*Научить* ничему нельзя, – утверждал Л. Толстой, – можно только *научиться*»¹. «Нет ничего глупее непрошенной мудрости», – настаивал Эразм из Роттердама в своей знаменитой «Похвале глупости». Сходную еретическую мысль высказывает достигший нирваны Сиддхартха в одноименном романе Г. Гессе: «Мудрость нельзя передать другому. Мудрость, когда один человек передает ее другому, выглядит глупостью. Знание можно передать другому, мудрость – нет. Ее можно найти, ею можно жить, ею можно творить чудеса, но ее нельзя передать, выразить словами, мыслью».

В «Воспоминаниях» Н. Мандельштам есть интересное наблюдение о том, что «студенты, которые ищут добра и правды, неизбежно увлекаются поэзией». Если полагать, что право – это «искусство добра и справедливости» (*ars boni et aequi*), то Словарь, построенный на идее *поэтического* освоения права, может стать пособием для таких ищущих студентов. Если поиски эти будут иногда вести к парадоксальным гипотезам, это очень хорошо: именно такие гипотезы стимулируют интеллект; общеизвестное и тривиальное не имеет свойства горячить кровь.

Юрист-исследователь может найти в предлагаемой книге полезное пособие для творческого, художественного, если хотите, стильного исполнения **научной работы**. Почему-то считается, что

¹ Единственный из братьев, не получивший высшего образования, Толстой все свои громадные познания в гуманитарных и других науках получил непрерывным (до самой смерти) и упорным самообразованием.

научная работа непременно должна быть строгой, то есть – сухой, без «воды» и лирики. «Скучное – значит солидное. Можно вложить капитал», – иронизировал по этому поводу А. Синявский. Работа, написанная с заботой о стиле и слоге, может плохо отразиться на репутации автора! Но ведь «стиль – это человек», и почему бы не согласиться с академиком П. Капицей, который совершенно *серьезно* утверждает: «Наука должна быть веселая, увлекательная и простая. Таковыми же должны быть и ученые». Пусть поэтому не удивляет читателя тесное – через абзац – соседство цитат из Достоевского, Монтеня или Чехова с высказываниями из футурологической трилогии Н. Носова о Незнайке. Простодушные, в андерсеновском стиле («А король-то голый!»), рассуждения Незнайки и его друзей о таких вещах, как «собственность», «наказание» и даже «правовое государство», не только остроумны, но и просто умны. Весело, увлекательно и просто рассказать о сложных юридических *фикциях* – на это нужен особый талант.

Разве не любопытно такое вот сопоставление концепций *собственности*:

<i>А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов</i>	<i>П. Прудон. Что такое собственность</i>	<i>Н. Носов. Незнайка на Луне</i>
До тех пор пока существует собственность, не может существовать государство, самой целью которого не была бы <i>охрана богатства и защита богатых от бедных.</i>	Собственность есть <i>кража.</i>	Обязанность полицейских – защищать население от грабителей, в действительности же они защищают лишь богачей. А богачи-то и есть самые <i>настоящие грабители.</i> Только грабят они нас, прикрываясь законами, которые <i>сами придумывают.</i> А какая разница, скажите, по закону меня ограбят или же не по закону?

Или сравним такие рассуждения писателей (их разделяют не годы – века!) о парадоксах правосознания и законотворчества:

<i>Демонакт. Апофтегмы и гномы</i>	<i>Ф. Искандер. Стоянка человека</i>
Законы бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, а вторые не становятся от них лучше.	Парадокс воспитания состоит в том, что хорошо поддаются воспитанию как раз те, кто не нуждаются в воспитании.

Изучающих международное право, в особенности его парадоксальные, можно сказать, *фантастические* сегменты – *военное право*, *гуманитарное право*, заставят задуматься такие высказывания литературных титанов:

<i>Б. Шоу. Письмо Р. Роллану</i>	<i>Л. Толстой. Война и мир</i>
Будь я офицером, на которого возложена оборона Реймса ¹ , я бы установил на крыше собора наблюдательный пункт; а если бы я был противником, мне пришлось бы подвергнуть собор бомбардировке... <i>Единственный способ спасти соборы – перестать стрелять</i> , а не пользоваться храмами как камнями и не швырять их друг другу в голову.	Нам толкуют о <i>правах войны</i> , о рыцарстве, парламентарстве, щадить несчастных и так далее. Все это вздор... Война не любовь, а самое гадкое дело... Откинуть ложь, и война так война, а не игрушка. <i>Цель войны – убийство</i> , орудия войны – шпионство, измена и поощрение ее, разорение жителей, ограбление их; <i>обман и ложь</i> , называемые военными хитростями...

¹ Собор в Реймсе – один из самых древних памятников архитектуры XIII в. подвергся бомбардировке немецкими войсками во время Первой мировой войны.

А криминолог заинтересуется таким вот сопоставлением:

<i>У. Шекспир. Венецианский купец</i>	<i>А. Чехов. Степь</i>
Тот, у кого нет музыки в душе, Кого не тронут сладкие созвучья, Способен на грабеж, измену, хитрость; Темны, как ночь, души его движенья И чувства все угрюмы, как Эреб: Не верь такому...	Его шальной насмешливый взгляд скользил по дороге, по обозу и по небу, ни на чем не останавливался и, казалось, искал, кого бы убить от нечего делать и над чем бы посмеяться... Дымов, известно, озорник, все убьет, что под руку попадается...

«Мысли светлых голов совпадают», – говорят французы. «Бывают странные сближенья», – писал Пушкин. На этих сближеньях и построена эта книга, в виде переключки светлых голов человечества. Представим, что за большим круглым столом собрались Сервантес, Толстой, Будда, Швейцер, Искандер, Бунин, Гете, Платон, Чехов, Рассел, Пушкин, Гессе, Авиценна, Эко, Мольер, Паскаль, Цветаева, Шекспир... Пир слова и духа для настоящего исследователя!

Предлагаемый материал позволяет рассматривать право, государство – юриспруденцию в культурном (художественном, поэтическом), историческом, психологическом измерении. Такой подход помогает преодолеть – хотя бы отчасти – дедуктивную деформацию, происходящую со всеми правоведами: они слишком серьезно относятся к юридическим формулам и нормам, к самим себе и к своей профессии. Эта серьезность, погруженность в *норму*, часто мешает ясно видеть «физический» и «химический» смысл этой самой нормы. Ибо, перефразируя Г. Лихтенберга, юрист, не знающий ничего, кроме права, не знает и права.

Книга может быть интересна и *правозащитникам* – нетрудно усмотреть в Словаре некий «уклон» к *правам человека*. Но эта, если

хотите, тенденциозность естественна и необходима, а потому – извинительна: современное право невозможно представить без интегрированной в него фундаментальной идеи приоритета прав человека. Право без учета прав человека становится своей противоположностью – тиранией, будь то единоличная тирания или демократическая тирания большинства.

Психологи, социологи, антропологи и, в особенности, лингвисты также могут найти на страницах этой книги много информации к размышлению.

Активация творческого мышления не будет лишней и для так называемых *простых людей*. Юристы относят к таковым всех не причисленных к когорте адвокатов, судей, прокуроров, нотариусов и т. д. Поэтому книга эта будет интересной и для широкого, но стремительно сужающегося в последние годы круга гуманитарно мыслящих читателей.

Всякая книга имеет, как сказал бы фармацевт, показания и противопоказания, а также побочные эффекты. Поэтому, сказав, для кого эта книга предназначена, следует, наверное, сказать и о том, кому этот Словарь может быть противопоказан. Как пишет К. Свасьян в книге «Философское мировоззрение Гете», «с иным читателем не грех расстаться, прежде чем он раскроет книгу». Так, юристу, понимающему право *исключительно* как ремесло и инструмент личного благополучия, адвокату, «решающему вопросы», иначе говоря, человеку без музыки в душе эта книга, вероятно, принесет мало пользы, потому что...

*...Чем абстрактнее истина,
которую ты хочешь преподать,
тем больше должен ты стараться
склонить к ней чувства.*

Ф. Ницше

*Человек из арифметики
Не верит в тригонометрию,
Не верит в это поветрие
Тригонометрических функций...*

(Ф. Кривин).

В конце XX века Л. Толстой писал: «За 50 лет совершилось поразительное понижение вкуса и здравого смысла читающей публики...

В наше время невежество образованной толпы дошло до того, что все настоящие великие мыслители, поэты, прозаики, как древности, так и XIX века, считаются отсталыми, не удовлетворяющими уже высоким и утонченным требованиям новых людей». Специализированное «невежество образованной толпы» за последние 50 лет благодаря технологической революции еще более обострилось. Интернет и прочие информационные достижения не добавили человеку ни здравого смысла, ни хорошего вкуса. Ценность информации воспринимается по степени ее новизны, а не глубины содержания: «Для дурака *последняя* новость самая важная» (Ф. Искандер). Между тем, литература – это «новости, которые никогда не устаревают» (Э. Паунд).

Красота, поэзия, художественное слово могут действительно творить чудеса. Возможно, окунувшись с головой в море цитат из Пушкина, Толстого, Гете, Бунина, Сервантеса, заостеневший в юридических и иных догмах читатель оттаит и откроет для себя много нового, удивительного, и, подобно князю Нехлюдову из «Воскресенья», увидит «что-то такое, чего не видят другие во всех этих делах судов и наказаний». На такого рода побочный эффект от пользования Словарем автор-составитель в глубине души рассчитывает.

Еще одним – универсальным – побочным эффектом этой книги может быть желание перечесть полные версии великих книг, ведь в суете сует некоторые из цитируемых в Словаре авторов нами подзабыты. И, возможно, одна из множества иронических фраз и притч Алонсо Доброго, известного больше под славным именем Дон Кихота, о свободе, справедливости и правосудии заставит читателя – юриста или «простого» человека потянуться (и – подтянуться!) за вечной книгой Сервантеса.

*Мы рассказали о том, почему, как и для кого составлялся
этот Словарь. «Как бы тщательно ни было возделано
поле, на нем вперемешку с полезными злаками
растут крапива, волчцы и тернии», – писал
Дж. Боккаччо. Поэтому автору
хотелось бы произнести
несколько слов...*

В оправдание несовершенства

Я искал то, что было полезно...

Зодчий Инени, XVI в. до н. э.

Известно высказывание Б. Рассела о том, что «книга должна быть либо строгой, либо ясной, и *совместить* эти два условия невозможно». Один литературный герой – художник, бесконечно совершенствуя свою картину, добивается того, что на полотне остается большое бесформенное цветное пятно. Другой персонаж утверждал, что ясность – это «всего лишь форма полного тумана».

Что касается строгости, то она вкупе с наукообразием, системностью часто отбивает всякую охоту мыслить самостоятельно: для чего, если все уже разложено по полочкам, систематизировано, определено и, что самое страшное, надлежащим образом *названо*? Названия, согласимся здесь с А. Герценом, – действительно «страшная вещь», и многие не дают себе труда идти далее названия, преодолеть его акустический гипноз.

Автор-составитель оставляет за собой известный приоритет литературно-художественного подхода к освоению и *уяснению* права. В то же время он не претендует на академическую систематичность и полноту Словаря, на то, что в этой книге он осветил – при помощи выдающихся художников слова – *все* важнейшие институты права. Такая задача не ставилась, и, в сущности, она едва ли выполнима. Ради стереоскопичности и, не побоюсь этого слова, *красочности* картины мы намеренно поступились, как уже было отмечено выше, научной строгостью, формальной системностью.

Академик Л. Щерба говорил, что в языке ясны лишь *крайние* случаи, а явления промежуточные всегда остаются неясными, колеблющимися. «Это-то неясное и колеблющееся и должно привлекать внимание лингвиста...» – писал наш выдающийся языковед. Заменяя слова «лингвист» и «язык», на «правовед» и «право» соответственно, мы убедимся, как точно приложимо это наблюдение к праву, в котором неясного и колеблющегося столько, что языковедам и не снилось¹. На этих белых (или, скорее, – темных?) пятнах права мы

¹ Лингвистика и право чрезвычайно тесно связаны, и речь идет не только о юридической технике: право, по сути, – это знаковое (идеальное) изложение

и попытались сконцентрировать внимание, оставив в стороне все относительно бесспорное, тривиальное. О том, как происходил естественный отбор текстов, мы уже указали в самом начале вступительной статьи.

И все же предвижу гипотетический вопрос строгого и, надеюсь, отнюдь не гипотетического читателя: «Почему в Словаре есть *этаназия*, *презумпция невиновности* и *права человека*, но никак не дает о себе знать, например, “святая троица” уголовного права – *Гипотеза*, *Диспозиция* и *Санкция*?» Ответить удовлетворительно на такой вопрос-упрек невозможно. Разве что бессмертным постулатом К. Прутова: «Нельзя объять необъятного». Кроме того, автор-составитель стремился к тому, чтобы книга не была скучной, а секрет скуки, как писал Вольтер, как раз и состоит в том, чтобы *сказать все*.

Заключенные-интеллектуалы из романа А. Солженицына «В круге первом» работали над «абсолютным шифратором» – прибором, который мог бы так кодировать телефонные переговоры тов. Сталина, чтобы враги не могли подобрать ключа и понять, о чем идет речь. Вождь не знал, а заключенные-математики, естественно, в этом незнании его всячески поддерживали, что абсолютный шифратор сделать в принципе невозможно – ввиду абсолютной бесконечности языка. Закрывать открытую систему нельзя.

Точно так же еще никто не составил *абсолютного словаря*, ибо *живой язык*, несмотря на все уловки и усилия его ученых носителей, не поддается окончательной систематизации.

Попытки создания совершенного, «окончательного» языка тоже имели место. Об абсолютном языке мечтали, например, Г. Лейбниц и Б. Рассел. Да и сам А. Солженицын (математик по образованию), также грезил созданием «языка предельной ясности». Надо сказать, математики, философы, юристы, да и все иные *специалисты* всегда пытались приспособить естественный язык к собственным, *специальным* нуждам, потому они и придают исключительное значение ясности и точности этого *инструмента*. В неумном стремлении усовершенствовать язык, доведя его до

реальных и/или желаемых отношений между людьми. Иногда эта связь проявляется весьма неожиданно. Например, исследования говорят о корреляции уровня преступности со степенью легализации грубых, «нецензурных» слов.

«предельной ясности», специалист уподобляется тому хорошему танцору (или футболисту), которому мешают... собственные ноги. «Тот, у кого в голове сложилось о чем-то живое и ясное представление, сумеет передать его на любом, хотя бы тарабарском языке», – справедливо заметил М. Монтень.

Составление словарей – занятие трудное, чрезвычайно захватывающее и вполне мирное. Но бывали времена, когда за составление «неправильного» словаря ссылали, высылали, расстреливали. Например, в 1935 г. в Москве по «делу о словарях» была репрессирована группа профессоров, обвиненных во вредительстве. Слава богу, за несовершенную (и даже за *совершенную*) книгу в наше время уже не подвергают репрессиям.

*«Словари все равно что часы. Даже самые плохие
лучше, чем никакие, и даже от самых лучших
нельзя ожидать абсолютной точности».
Кто-кто, а крупнейший английский
лексикограф Сэмюэль Джонсон
знал толк в словарях.*

Автор-составитель будет благодарен за любые замечания, предложения и критику. Все это можно направлять по адресу: cheslavm@ukr.net

А

Автономия (► АНАРХИЯ, САМОУПРАВЛЕНИЕ, ФЕДЕРАЛИЗМ)

– Кажется, я начинаю понимать суть ирландского вопроса, – сказал Орель.

– Я помогу вам понять этот вопрос до конца, – сказал доктор. – Однажды один либеральный парламентарий, приехавший в Ирландию, заявил при мне старому крестьянину: «Вот что, мой друг: скоро мы предоставим вам автономию». «Да смилостивится над нами Всевышний, ваша честь. Не делайте этого!» – ответил крестьянин. «То есть как же так! – опешил депутат. – Вы уже не хотите получить самоуправление?» «Ваша честь! – ответил крестьянин. – Сейчас вы все поймете... Ведь вы добрый христианин, ваша честь, и хотите попасть в рай... и я тоже... Но нам неохота отправляться туда прямо сегодня вечером...»¹ *А. Моруа. Полковник Брэмбл и его друзья.*

*

...Говорится «авторитарность», а вылупляется – тоталитарность. По мне бы, так что-нибудь швейцарское, помните у Герцена? Тем сильнее власть, чем ниже: самая большая – сельский сход, самый бесправный человек в государстве – президент... *А. Солженицын. В круге первом.*

*

Кроме определения жизни, которое я хотел бы хорошо выразить, ужасно хочется показать весь обман и ужас правительств *всяких*², даже швейцарского. *Из письма Л. Толстого к М. Оболенской, 06.05.1903 г.*

¹ Здесь и далее цитаты из этого произведения в переводе И. Шербиара.

² Курсив мой. – В. М. Далее, там где не оговорено иное, курсив автора-составителя.

АВТОРСКОЕ ПРАВО (► ПЛАГИАТ, СВОБОДА СЛОВА)

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
А. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом.

*

– Да, литература – та же проституция! – кричал он страстно... – Все вы не лучше тех падших женщин. Задушевные мысли, лучшие чувства своей души вы выносите на рынок...

– Да! Я с этим совершенно согласен, – вставил Озмидо. – Это именно проституция... Святыню души продавать за деньги... С точки зрения учения Льва Николаевича...

– Вы, значит, считаете постыдным получать плату за литературную работу?

– Да, именно постыдно!.. *В. Короленко. Великий пилигрим. Три встречи с Л. Н. Толстым.*

*

Говоря о своих трудах, иные авторы твердят: «Моя книга, мой комментарий, моя история». Они как те выскочки, которые обзавелись собственным домом и не устают повторять: «Мой особняк». Лучше бы говорили: «Наша книга, наш комментарий, наша история», ибо чаще всего там больше чужого, чем их собственного¹. *Б. Паскаль. Мысли.*

Искусство – это работа мысли, ищущей понимания мира и делающей этот мир понятным... это отражение сердца художника на всех предметах, которых он касается.

О. Роден

*

Только глупая жадность смертных различает владенье и собственность и не считает своим принадлежащее всем. А мудрый считает своим больше всего то, чем владеет сообща с человеческим родом². *Сенека. Нравственные письма к Луцилию.*

¹ Здесь и далее цитаты из этого произведения в переводе Э. Линецкой.

² Здесь и далее цитаты из этого произведения в переводе С. Ошерова.

*

Мне неизвестно ни одно оригинальное изобретение, даже если говорить об электробритах или обогревателях, которое родилось бы в какой-либо гигантской лаборатории или корпорации... В послужном списке гигантов значится лишь то, что они вступают в игру, перекупают изобретение и поглощают его слабосильных создателей. *М. Паренти. Демократия для немногих.*

*

Подумайте об *анонимности* творчества. В нем еще одна ступень в возвеличении духа, за случайными пределами дней в нем еще шаг в ускорении прогресса человечества. *Н. Рерих. Живая этика.*

*

Знаменитая пушкинская отзывчивость. Можно сказать: ничего себе отзывчивость – брал у всех! Что делать, *для гения все плохо лежит*. Он берет чужое, чтобы придать интересным замыслам большую устойчивость. Интересно, но плохо лежит. Так и мы бокал, стоящий у краешка стола, бессознательно передвигаем к середине. При этом отпив из него, если он не пустой.

Да, брал у всех, но всегда делал лучше, чем те, у кого брал. Так что смело можно посоветовать современным поэтам: и вы берите у Пушкина! Например, сюжет «Медного всадника». Остается самая малость – написать лучше. *Ф. Искандер. Слово о Пушкине.*

*

Разные авторы поступали по-разному. Философ Хрисипп, например, вставлял в свои книги не только отрывки, но и целые сочинения других авторов, а в одну из них он включил даже «Медею» Еврипида. Аполлодор говорил о нем, что, если изъять из его книг все то, что принадлежит не ему, то, кроме сплошного белого места, там ничего не останется. У Эпикура, напротив, в трехстах оставшихся после него свитках не найдешь ни одной цитаты...

Пчелы перелетают с цветка на цветок для того, чтобы собрать нектар, который они целиком претворяют в мед; ведь это уже больше

не тимьян или майоран. Точно так же и то, что человек *заимствует* у других, будет преобразовано и переплавлено им самим, чтобы стать его собственным творением, то есть собственным его суждением¹.
М. Монтень. Опыты.

*

– Но ведь это частое явление в литературной жизни, – сказал я, – кто-то, к примеру, вдруг усомнится в оригинальности произведения того или иного крупнейшего писателя и начинает вынюхивать, откуда тот почерпнул свои сюжеты.

– Смешно, – сказал Гете, – с таким же успехом можно расспрашивать хорошо упитанного человека о быках, овцах и свиньях, которых он съел и которые придали ему силы. Способности даны нам от рождения, но своим развитием мы обязаны великому множеству воздействий окружающего нас мира, из коего мы присваиваем себе то, что нам нужно и посильно. Я многим обязан грекам и французам, а перед Шекспиром, Стерном и Голдсмитом – в неоплатном долгу. Но ими не исчерпываются источники моего развития, я мог бы называть таковые до бесконечности, но в этом нет нужды. Главное – иметь душу, которая любит истинное и вбирает его в себя везде, где оно встречается.

– Да и вообще, – продолжал Гете, – мир так уже стар, уже столь многие тысячелетия в нем жили и мыслили замечательные люди, что в наше время трудно найти и сказать что-нибудь новое...² *И. Эккерман. Разговоры с Гете.*

*

В готских далеких снегах под знаменами Марса суровый
Ревностно центурион книжку читает мою.

Стих распевается мой, говорят, и в Британии дальней, –
Попусту! Мой кошелек вовсе не знает об этом.

Марциал. Эпиграммы

¹ Здесь и далее цитаты из этого произведения в переводе А. Бобовича.

² Здесь и далее цитаты из этого произведения в переводе Н. Ман.

АДВОКАТ, АДВОКАТУРА (► ЮРИСТ)

...Я сказал, что у нас есть сословие людей, смолоду обученных искусству доказывать при помощи пространных речей, что белое – черно, а черное бело, соответственно деньгам, которые им за это заплатят. Например, если моему соседу понравилась моя корова, то он нанимает стряпчего с целью доказать, что он вправе отнять у меня корову. Со своей стороны, для защиты моих прав мне необходимо нанять другого стряпчего, так как закон никому не позволяет защищаться самостоятельно¹. Дж. Свифт. Путешествия Лемюэля Гулливера.

*

Тяжебщики, зарывав, распушили хвосты:
Что – мир? Да скорей перекусят друг дружке
хребты!
Клялись адвокаты, – их, дескать, клиенты чисты
И ждут от суда подтвержденья своей правоты.
...Уж скольких ты в сеть заманил – им потерян
и счет,
Любые уловки пускать не стесняешься в ход,
Ты черное делаешь белым и наоборот, –
Как делу дают адвокаты любой поворот².
Х. Руис. Книга благой любви.

*

...Дон вздохнул.
– Стало быть, я не могу тебе указывать. Ты не хочешь учиться? Не хочешь быть адвокатом? Адвокат может при помощи своей папки украсть больше денег, чем тысяча бандитов с пистолетами и в масках... Впрочем, мы все здесь уважаемые люди, а не адвокаты...³
М. Пьюзо. Крестный отец.

¹ Здесь и далее цитаты из этого произведения в переводе А. Франковского.

² Здесь и далее цитаты из этого произведения в переводе М. Донского.

³ Перевод С. Сычева, И. Забелина.

*

Заслуживает самого энергичного осуждения такое отношение к адвокатуре, которое деградирует ее в собственных глазах, которое низводит ее на уровень *простого ремесла* и которое ставит адвоката рядом со *всяким другим лицом*, продающим свои услуги. *Н. Полянский. Правда и ложь в уголовной защите.*

*

В высшей степени нравственно и умирительно, когда адвокат употребляет свой труд и талант на защиту несчастных; это друг человечества. Но вот у вас является мысль, что он заведомо защищает и оправдывает виновного, мало того, что он иначе и сделать *не может*, если б и хотел. Мне ответят, что суд не может лишать помощи адвокатской никакого преступника и что честный адвокат всегда в этом случае останется честным, ибо всегда найдет и определит настоящую степень виновности своего клиента, но лишь не даст его наказать сверх меры и т. д. и т. д. Это так, хотя это предположение и похоже на самый безграничный идеализм.

Мне кажется, что избежать фальши и сохранить честность и совесть адвокату так же трудно, вообще говоря, как и всякому человеку достигнуть райского состояния. Ведь уж случалось нам слышать, как адвокаты почти клянутся в суде, вслух, обращаясь к присяжным, что они – единственно потому только взялись защищать своих клиентов, что вполне убедились в их невинности. Когда вы заслушиваете эти клятвы, в вас тотчас же и неотразимо вселяется самое скверное подозрение: «А ну, если лжет и только деньги взял?» И действительно, очень часто выходило потом, что эти, с таким жаром защищаемые, клиенты оказывались вполне и бесспорно виновными...

Адвокат *никогда не может действовать по совести*, не может не играть своею совестью, если б даже и хотел не играть, что это уже такой *обреченный на бессовестность* человек и что, наконец, самое главное и серьезное во всем этом то, что такое грустное положение дела как бы даже узаконено кем-то и чем-то, так что считается уже вовсе не уклонением, а, напротив, даже самым нормальным порядком... *Ф. Достоевский. Дневник писателя.*

*

...Скажут мне, что французы превосходят нас в гражданских делах и что их стряпчие великие витии, а наши безграмотны. Правда; но все сие весьма хорошо для французского языка, а не для дела. При бессовестных судьях Цицерон и Вахтин равные ораторы. *Д. Фонвизин. Письма из Франции.*

*

О. Домье. Адвокат и его клиент

*

...А два Шакала, посчитав за честь,
перед судом ретиво защищают:
Скулят, визжат и лают,
И, чтоб умалить его вину,
Повторный требуют анализ на слюну...

С. Михалков. Бешеный пес.

*

— Адвокатом, наверное, стать неплохо, но мне все равно не нравится, — говорю. — Понимаешь, неплохо, конечно, если они спасают

жизнь невинным людям и вообще занимаются такими делами, но в том-то и штука, что адвокаты ничем таким не занимаются. Если стать адвокатом, то будешь просто гнать деньги, играть в гольф, бридж, покупать машины и ходить таким франтом...¹ Дж. Д. Сэлинджер. *Над пропастью во ржи*.

*

...Рисунок пером, сделанный Гете: итальянский адвокат в пышном облачении выступает с речью перед судом. Более *комичную фигуру* трудно себе представить, костюм же на нем до того нелепый, что кажется, будто он вырядился так для маскарада. Тем не менее это зарисовка подлинного выступления адвоката. Указательный палец уперт в кончик большого, другие пальцы растопырены; уверенный в себе, стоит толстый адвокат; это почти статичное положение как нельзя лучше сочетается с огромным париком, который он на себя напялил... И. Эккерман. *Разговоры с Гете*.

*

[Николай I кн. Голицыну] ...Ты, я вижу, долго жил во Франции и еще во время революции, потому и неудивительно, что ты усвоил тамошние порядки. А кто погубил Францию, как не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер и другие? Нет, князь, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, проживем и без них. А. Хомяков. *Россия. Стихотворения и драмы*.

Язык – не дурак.
Он знает, что хочет,
И нечего диктовать языку.
Но если
закукарекает кочет,
В словарь влетает
«кукареку».
Д. Самойлов

*

Петр I в 1698 году в Англии на суде, увидев адвокатов, спросил:
– Что это за народ и что они тут делают?
Ему ответили:
– Это все законники, Ваше Величество.

¹ Перевод Р. Райт-Ковалевой.

– Законники? – удивился Петр. – К чему они? Во всем моем царстве есть только два законника, и то я полагаю одного из них повесить, когда вернусь домой. *Исторический анекдот.*

*

И хоть бы капля живой струи подо всем этим хламом и сором! Какое старье, какой ненужный вздор, какие плохие пустячки занимали все эти головы, эти души, и не в один только этот вечер занимали их они, не только в свете, но и дома, во все часы и дни, во всю ширину и глубину их существования! И какое невежество в конце концов! Какое непонимание всего, на чем зиждется, чем украшается человеческая жизнь! *И. Тургенев. Дым.*

*

Дело каким-то чертовым неприличным случаем доходит до суда. Нанимается адвокат. Русский народ давно уже назвал у нас адвоката – «аблакаты – нанятая совесть». Адвокат кричит в защиту своего клиента. «Дело дескать такое простое, семейное и обыкновенное, отец посек дочку и вот к стыду наших дней дошло до суда!» Убежденные присяжные удаляются и выносят оправдательный приговор. *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.*

*

Хороший острослов – дурной человек. *Б. Паскаль. Мысли.*

*

На обед Люциферу обыкновенно подают адвокатов, криво толкующих законы и грабящих бедных людей, – в них он недостатка не терпит. Да только однообразная пища хоть кому надоест¹. *Ф. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль.*

*

Я полагаю, что тот, кто хлопочет за других, всегда исполнен уверенности в себе, как человек, который добивается справедливости; выпрашивая или домогаясь чего-нибудь для себя, он смущается и сты-

¹ Здесь и далее цитаты из этого произведения в переводе Н. Любимова.